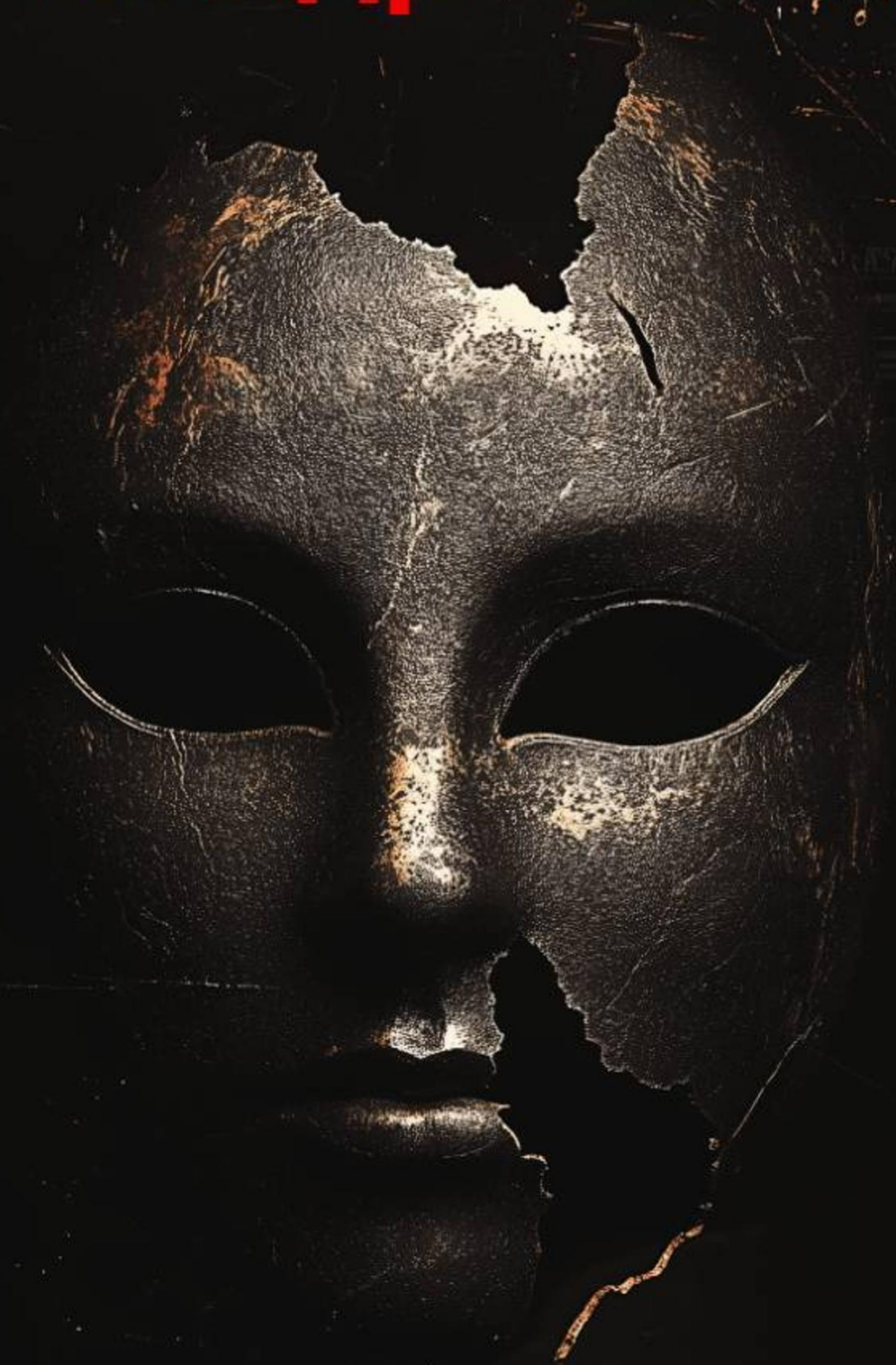

Александр Восьмой

Книга 6. Прима и Корона из можжевельника

18+

Сага Тёмная Сказка

Александр Восьмой

**Книга 6. Прима и Корона
из можжевельника**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 6. Прима и Корона из можжевельника / А. Восьмой —
«Автор», 2026 — (Сага Тёмная Сказка)

Прима нашла у заброшенной мельницы венок из можжевельника — тёмный, сухой, пахнувший ладаном и кровью. Надела на голову — и увидела. Лес открылся: мёртвые деревья зашептали имена, туман выстроился в коридоры, подземные корни загудели, как артерии земли. Прима стала королевой того, чего нет на картах. Но корона сниматься не желала. И деревья, выбравшие её, потребовали платы: одно имя за каждый день правления. Имя — живого. Двенадцать дней прошло. Осталось два.

Александр Восьмой

Книга 6. Прима и Корона

из можжевельника

Глава 1. Венок из можжевельника

Мельница на Ушайке стояла, будто её выплюнула сама земля — кособокая, с проломленной крышей и окнами, похожими на пустые глазницы. Мох на брёвнах пах ладаном, но под этим запахом прятался другой — тяжёлый, железный, как запах крови.

Прима присела у старого порога, провела пальцами по мху — и пальцы стали тёмными, будто в саже. А потом она увидела венок. Он лежал так, словно его нарочно положили на самое видное место: сухой, тёмный, сплетённый не из веток, а будто из теней. Можжевельник хрустел, как сломанные кости.

Она надела его.

И лес открыл рот.

Сначала это был шёпот — тихий, вкрадчивый, будто кто-то звал по имени из-за спины. Потом деревья заговорили. Их стволы трескались, и из трещин лились имена — не буквы, не звуки, а что-то глубже, будто само дыхание леса выкрикивало их. Туман поднялся с земли и выстроился в коридоры — прямые, как лезвия, уходящие в темноту. Корни под ногами загудели, словно земля превратилась в живое сердце, и каждый удар отдавался в груди.

Прима почувствовала, как венок стал тяжелее. Он больше не был украшением — он был короной. И корона эта не собиралась сниматься.

Рядом появились остальные.

Мужик Оптима замер, глядя на лес, будто пытался прочесть в нём судьбу. Его лицо было каменным, но в глазах плескался страх — тот самый, что приходит, когда понимаешь: ты уже в игре, даже если не давал согласия.

Фаргус шагнул вперёд, сжимая в руке нож, будто надеялся, что сталь защитит от того, что не имеет формы.

Даффи Толстяк стоял, тяжело дыша, и шептал: «Это не по-настоящему, это не по-настоящему», но сам уже не верил своим словам.

Окси смотрела на Приму так, будто видела сквозь неё что-то ещё — что-то, чего не должны видеть живые.

Сиринити подошла ближе и тихо сказала:

— Ты теперь их королева. А у таких корон всегда есть цена.

Прима коснулась венка и почувствовала, как он впивается в кожу невидимыми шипами. Она вспомнила: двенадцать дней прошло. Осталось два. И каждый день требовал платы — одного имени. Одного живого человека.

Лес ждал.

Глава 2. Коридоры из тумана

Туман не стелился по земле — он строил. Из него вырастали стены, острые, как лезвия, и коридоры тянулись в никуда, будто лес чертил карту из дыхания и страха. Каждый поворот обещал выход — и каждый обманывал.

Прима шла, а венок на её голове становился всё тяжелее, будто наливался свинцом. Корона не давала остановиться: она тянула вперёд невидимой рукой, заставляя ноги двигаться даже тогда, когда сердце кричало «назад». Деревья шептали — не слова, а имена: чужие, мёртвые, забытые, будто кто-то читал список пропавших. Корни под землёй гудели, как артерии, и каждый гул отдавался в висках.

Мужик Оптима шёл следом, не отрывая взгляда от Примы. Он не верил в короны и проклятия, но верил в то, что видел: как меняется её тень, становясь длиннее и темнее, чем положено.

— Держись ближе к свету, — хрипло бросил он, хотя света тут не было. Был только серый, плотный туман, который глотал даже шёпот.

Фаргус сжимал нож так, что побелели костяшки. Он смотрел не вперёд, а по сторонам, туда, где тени шевелились, будто пробовали форму людей.

— Они зовут не нас, — тихо сказал он. — Они зовут её.

Даффи Толстяк тяжело дышал, его шаги тонули в тишине.

— Я не хочу знать, что там дальше, — бормотал он, но шёл, потому что остаться одному было страшнее.

Окси шла молча, но её глаза ловили то, чего другие не замечали: как туман на секунду сгустился в силуэты, как из трещин в коре выглядывали чьи-то пальцы, тут же растворяясь.

Сиринити догнала Приму и осторожно коснулась её плеча. Прима вздрогнула, будто очнулась.

— Ты слышишь их? — спросила Сиринити. — Или это корона говорит вместо тебя?

Прима сжала зубы. Она слышала. Каждое имя, которое шептал лес, царапало изнутри. И она знала: сегодня наступит тринадцатый день. Осталось два имени. Два живых.

Коридор впереди изогнулся, словно усмехаясь, и вывел их к круглой поляне. В центре стоял камень, покрытый резьбой из переплетённых корней. На нём темнели выцарапанные имена. Свежие.

Лес ждал платы.

Поляна дышала. Не ветром — ритмом. Камень в центре пульсировал, будто под ним билось чужое сердце, а резьба из корней шевелилась, словно пыталась вырваться наружу. Туман отступил к краям, обнажив кольцо чёрных стволов — они стояли, как стражи, и в их тишине слышался шёпот: «Имя. Имя. Имя».

Прима стояла перед камнем, и венки на её голове стали не короной — а капканом. Он сжимался, впиваясь в виски холодными иглами, и голос внутри неё — или голос леса — тянул одно и то же слово: «Плата. Плата. Плата».

Она закрыла глаза. В темноте перед ней вспыхивали лица — знакомые, родные, чужие. Лес подсовывал их, как карты в игре, где ставка — жизнь. И одно имя всплыло само, будто его вытолкнули из памяти: Марфа. Старушка из деревни, что пекла хлеб с тмином и шептала, будто слышит, как растёт трава.

Губы Примы шевельнулись. Она не хотела произносить это вслух, но язык ослушался. Слово сорвалось, как крик, и ударилось о камень. Резьба вспыхнула тусклым огнём, корни на поверхности зашевелились, сплетаясь в новый узор.

И в тот же миг лес выдохнул.

Тишина стала другой — не пустой, а выпотрошенной. Как будто из мира вырезали что-то важное.

Даффи Толстяк попятился, прижимая ладони к ушам.

— Я слышал, — прошептал он, голос дрожал. — Будто кто-то... перестал дышать. Далеко. Очень далеко. Но я слышал.

Фаргус шагнул к Приме, но Мужик Оптима удержал его тяжёлой рукой.

— Не трогай, — глухо сказал Оптима. — Сейчас она не просто девочка.

Прима открыла глаза. В них не было слёз — только пустота, как у человека, который только что отдал часть себя и ещё не понял, сколько именно.

Окси смотрела на камень, будто видела то, чего не видели остальные: как по резьбе пробегает тёмная волна, как имя «Марфа» впитывается в камень, становясь частью леса.

— Они забирают не звук, — тихо сказала Окси. — Они забирают жизнь.

Сиринити подошла к Приме и тихо спросила:

— Ты знала, что так будет?

Прима покачала головой. Но в глубине души она знала. С того самого момента, как надела венок, она знала: корона не украшает — она пожирает.

Камень остыл. Резьба замерла, навсегда сохранив имя. Тринадцатый день начался. Остался последний.

Лес ждал следующего слова.

Глава 4. Мужик Оптима

Рассвет не пришёл — он сдался. Небо над Ушайкой висело серым тряпьем, и даже птицы не решались его прорезать криком. Туман лежал на земле, как застывшая боль, а мельница смотрела на мир пустыми проломами окон, будто помнила всё, что здесь случилось.

Прима стояла у камня, пальцы дрожали, но венок не давал им покоя — он шевелился, будто жил своей жизнью, стягивая виски невидимыми нитями. Рядом сбились в тесный круг остальные: Фаргус с ножом, Даффи Толстяк, который старался дышать тихо, Окси, чьи глаза ловили то, что ускользало от остальных, и Сиринити, не отходившая от Примы ни на шаг.

И тут из тумана вышел он.

Мужик Оптима.

Он шёл так, будто земля сама расступалась перед ним — не из страха, а из привычки. Огромный, тяжёлый, с плечами, на которых, казалось, держался весь этот проклятый лес. Лицо у него было будто высечено из старого пня: грубое, неподвижное, но в глазах — такая усталость, какая бывает только у тех, кто видел, как лес берёт людей.

Он остановился в трёх шагах от камня, посмотрел на венка, потом на Приму — и в этом взгляде не было ни удивления, ни ужаса. Только горькое узнавание.

— Опять, — глухо сказал Оптима, и слово прозвучало как приговор. — Опять лес выбрал себе королеву.

Фаргус шагнул вперёд, выставив нож.

— Ты кто такой? Откуда знаешь?

Оптима даже не взглянул на лезвие.

— Я знаю, потому что однажды стоял на этом же месте. Только тогда корона выбрала не девочку, а мальчишку. Моего младшего брата.

Даффи Толстяк сглотнул.

— И что... что с ним стало?

Мужик помолчал, будто каждое слово приходилось вытаскивать из себя клещами.

— Он назвал имя. Потом ещё одно. А на тринадцатый день лес потребовал последнее. И брат... он сам шагнул в туман. Сказал, что так будет честнее.

Прима пошатнулась. Венок на её голове будто потяжелел от этих слов.

— Значит, выхода нет, — прошептала она.

Оптима наконец посмотрел ей прямо в глаза. В его взгляде не было жалости — только правда, тяжёлая, как камень.

— Выход есть. Но он не про спасение. Он про выбор. Лес берёт плату, потому что ему нужно равновесие: одно имя — одна жизнь, чтобы лес мог дышать. Если не дать ему имя, он возьмёт двоих. Или троих. Или всех.

Окси тихо спросила:

— А если назвать своё имя?

Оптима медленно кивнул.

— Своё имя лес примет. Но тогда корона не просто снимется — она утянет за собой. Тот, кто называет своё имя, становится частью леса. Его имя вырежут на камне, его тень растворится в тумане, и он станет голосом, который шепчет среди деревьев.

Сиринити схватила Приму за руку.

— Мы что-нибудь придумаем. Обязательно придумаем.

Но Прима уже не слушала. Она смотрела на камень, на тёмные бороздки резьбы, в которых будто шевелились забытые имена. И она знала: сегодня наступит последний день. Осталось одно имя.

Оптима подошёл ближе и положил свою огромную руку на плечо Примы. Не для утешения — для того, чтобы она почувствовала: здесь ещё есть что-то твёрдое, настоящее.

— Если решишь назвать своё, — тихо сказал он, — я останусь. Буду стоять здесь, пока камень не впитает слово. И буду помнить тебя такой, какой ты была до венка.

Туман шевельнулся, словно прислушивался. Лес ждал.

Глава 5. Парень Фаргус

Туман не просто стелился — он охотился. Он цеплялся за сапоги, тянулся к горлу, шептал в уши имена, будто пытался подбросить нужное слово на язык. Камень в центре поляны потемнел, будто впитал в себя всю ночь, и на его поверхности проступали новые бороздки — ещё не имена, но уже намёки на них.

Прима стояла, сгорбившись, будто пыталась укрыться от собственного венка. Корона пульсировала, отдаваясь в висках глухим ритмом, похожим на стук далёкого барабана. Рядом — Сиринити, не отходившая ни на шаг, Окси, чьи глаза ловили движение там, где ничего не двигалось, Даффи Толстяк, который всё ещё шептал себе под нос: «Только бы не моё, только бы не моё».

А Фаргус стоял отдельно.

Он сжимал в руках старое дедово ружьё — тяжёлое, неудобное, слишком взрослое для его двенадцати лет. Дерево приклада было стёрто до блеска, будто дед когда-то тоже держал его, чтобы не дрожали руки. Фаргус не чувствовал себя храбрым. Он чувствовал ярость — горячую, колючую, как осколок стекла под кожей.

Его сестра была первой. Той самой, чьё имя лес вытянул первым, ещё до Примы, ещё до того, как кто-то понял, что происходит. Он видел, как она упала у колодца, будто кто-то выдернул из неё дыхание. И с тех пор ярость стала его тенью.

Мужик Оптима смотрел на Фаргуса и понимал: мальчишка не ищет спасения. Он ищет расплаты.

— Не подходи к камню, — тихо, но твёрдо сказал Оптима. — Лес любит таких, как ты. Ярость для него — как огонь для ветра. Он будет раздувать её, пока ты не выкрикнешь имя. Любое. Лишь бы оно упало на камень.

Фаргус резко обернулся, глаза у него были тёмные, почти чёрные.

— А если я хочу выкрикнуть? Если я хочу дать ему то, что он хочет, только чтобы он захлебнулся?

Окси шагнула вперёд, будто хотела встать между ним и лесом.

— Он не захлебнётся. Он проглотит и попросит ещё. Лес не мстит — он питается. И чем сильнее ты злишься, тем вкуснее ты для него.

Даффи Толстяк нервно оглянулся на деревья.

— Может, уйдём? Просто уйдём, пока он не выбрал кого-то ещё...

Но лес уже выбрал.

Фаргус почувствовал это не ушами — кожей. По спине пробежал холод, а потом жар, будто кто-то провёл по лопаткам раскалённым пальцем. В воздухе, прямо перед ним, туман сгустился в силуэт — тонкий, дрожащий, похожий на тень девочки с косой. На секунду Фаргусу показалось, что это его сестра. Она смотрела на него и беззвучно шевелила губами, будто пыталась что-то сказать. Или предупредить. Или умолять.

Он вскинул ружьё.

Выстрел ударил по лесу, как молот по стеклу. Эхо раскололось на десятки осколков и покатилося между деревьями, а туман на мгновение расступился — и тут же сомкнулся снова, будто ничего и не было.

Сиринити бросилась к Фаргусу, схватила за руку.

— Перестань! Ты не можешь стрелять в то, что не имеет тела!

Фаргус опустил ружьё, пальцы побелели от напряжения.

— Зато я могу заставить его почувствовать, что мы не сдаёмся.

Оптима подошёл и положил тяжёлую руку ему на плечо. Не для того, чтобы удержать, а чтобы Фаргус почувствовал: есть что-то тяжелее ярости. Что-то настоящее.

— Ты не один, — сказал Оптима. — Но не давай лесу того, чего он ждёт. Он хочет, чтобы ты назвал имя. Любое имя, лишь бы оно было пропитано злостью. Не делай этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.